

предполагали показать новые постановки «Отелло». Заглавную роль должны были исполнять такие известные в Румынии артисты, как Бота, Димитриади, Сава, уже и ранее выступавшие в этой роли. Но после того как румынские коллеги увидели нашу постановку «Отелло», они решили отложить свои спектакли и продолжить над ними работу.

— Мы увидели, — сказал мне один из деятелей румынского театра, — что Шекспир неизмеримо богаче и содержательнее, чем нам казалось до сих пор. Советские режиссёры и артисты открыли подлинно философские глубины его творчества. Только после того, как мы поднимаемся на более высокую ступень, после того, как раскроем великий гуманизм Шекспира с такой же полнотой и ясностью, — мы покажем свой труд зрителям...

Последним пунктом гастролей были Яссы — второй по величине город Румынии. В Яссах много памятников старины, древних церквей и монастырей, в архитектуре которых заметно и влияние славянского зодчества и следы готики. Старинная часть

города представляет скопление ветхих домов, прорезанное узенькими улицами-коридорами. Но эти кварталы доживают по последние годы. Уже преобразился центр города, где создана большая площадь, проложена новая улица имени Штефана Великого, разбит нарядный Пушкинский сквер. Возникают новые здания вокруг текстильного комбината, паровозоремонтного и вагоностроительного заводов. В старом университетском городке сооружено здание нового высшего учебного заведения — Плано-экономического института.

В старом университетском городе Клуজে в промышленной Тимпшоаре, в портоплатном городе Констанца — после наших спектаклей вызвали огромное стечение зрителей, шумные и восторженные овации, горячее обсуждение.

Румынское студенчество особенно тепло принимало наши спектакли. И когда мы выступаем сразу: разрушения его сравнительно деля эту бодрую, красивую, рукоплещущую молодежь, мы видели перед собой будущей долинам, раскинулись плантации жень-свободной страны, уверенно идущей к социализму.

час и тут мы видим десятки новых построек, а между ними — молодые фруктовые сады.

Город Сарниво. Новое построенные домики образуют здесь целые кварталы. Одетись в леса подуразрушенные многостоящие здания, залита свежим асфальтом центральная магистраль. Люди на сарниновском вокзале: скоро прибудет пассажирский поезд из Тыхенья.

Та же картина в Модерри, Кымычоне и других населённых пунктах, лежащих на нашем пути. Три года это шоссе служило одной из основных артерий, связывающих фронт с тылом. Чем ближе к цели, тем многочисленнее следы разрушений и тем больше восстановительные работы и вновь построенных мостов.

Пересекаем тридцать восьмую параллель и подъезжаем к Кэсону. С 1951 года город находится в нейтральной зоне, и это чувствовало наши спектакли. И когда мы выступаем сразу: разрушения его сравнительно деля эту бодрую, красивую, рукоплещущую молодежь, мы видели перед собой будущей долинам, раскинулись плантации жень-свободной страны, уверенно идущей к социализму.

Проезжаем по широкой асфальтированной улице. По сторонам возвышаются многоэтажные дома, влево и право отходят узкие, кривые улочки, на которых теснятся характерные для Кореи домики с высокими гребнями крыш, волгнутыми посредине и высоко поднятыми по краям. Прижавшись друг к другу, они образуют причудливые лабиринты. Группы строгий выходят на один двор, обнесённый обычно невысоким кирпичным забором. Иногда такие дворы занимают целый квартал.

И здесь, в Кэсоне, ключом бьёт жизнь. Недавно открылись экономический институт, педагогический техникум, начали работать десятки школ и различных учебных учреждений. Восстановлена известная кэсонская библиотека, где собрано много древних книг и рукописей. После реставрации открылся кэсонский государственный исторический музей. В городе два новых театра, три кинематографа, несколько домов культуры.

Начато восстановление исторических памятников, пострадавших при пладычестве лисыиановцев, в частности гордости Кэсона — Южных ворот (Намтэун), построенных почти шестьдесят лет назад. Жители Кэсона приступают к реконструкции своего города: расширению улиц, ремонту водопроводной сети и канализации. Восстанавливается и строится заново ряд промышленных предприятий: текстильные фабрики, за-

воды стропильных материалов, фабрики по обработке жень-шеи.

Кэсон — древняя столица Кореи. В годы войны он по-новому вошёл в историю страны: здесь в июле 1951 года под влиянием настоящих требований мировой общественности представители американской воюющей вынуждены были сесть за стол мирных переговоров. Спустя два года в 12 километрах отсюда, в Паньмыньчжоне, им пришлось подписать, наконец, соглашение о перемирии...

Название Кэсон, Паньмыньчжонь с тех пор на устах сотен миллионов людей во всех странах. Здесь вот уже полгода американская сторона делает всё для того, чтобы сорвать мирное урегулирование в Корее, задерживая десятки тысяч военнопленных корейской Народной армии и китайских народных добровольцев, не позволить им вернуться к своим семьям и родным очагам.

Паньмыньчжонь — это название местности. До недавнего времени там не было ни единого строения. Сейчас узкая ленточка шоссе, идущего по нейтральной зоне, выводит нас к десяткам построек и палаток, где идут заседания комиссий, созданных в соответствии с соглашением о перемирии, и размещается обслуживающий персонал.

В центре, на самой демаркационной линии, стоят шесть одинаковых домиков. Внутри домиков эта линия проходит как раз посредине столов, за которыми находятся представители сторон. Здесь проводились и проводятся заседания военной комиссии по перемирию, нейтральной комиссии по репарациям. Здесь же, наконец, заседали и представители обеих сторон на совещании, связанном с целью подготовки политической конференции по Корее. — заседали до тех пор, пока оно не было прервано американским представителем Артуром Дином.

В километре отсюда, право от дороги, виднеются ещё два аккуратных домика. Тот, что поближе, — велик. На протяжении двух лет во время переговоров представители корейско-китайской стороны вели упорную борьбу за прекращение огня. Второй домик — значительно больших размеров. Здесь 27 июля 1953 года было подписано соглашение о перемирии в корейской войне.

На другой стороне дороги возмущается огромная арка, украшенная ярким полотношем. На нём начертаны слова горячего призыва военнопленным, возвращающимся на родину из американских лагерей. За аркой —

В Паньмыньчжоне

В. Толстиков

ШАД ПХЕНЬЯНОМ тихий морозный рассвет. Из труб новеньких домиков в небо тянутся тысячи дымок. Сливаясь, они заволакивают город плотной молочной пеленой.

Перезаедем большой новый мост через реку Тэдонган. Мы — в восточной части города. На фоне алеющего неба отчётливо выделяются копы Садонских шахт. Ещё очень рано, но отовсюду уже доносится стук лопат и кирок, врывающихся в мёрзлый грунт. Слышатся оживлённые голоса строителей.

Скоро Пхеньяна останется позади. Машина проносится мимо разрушенного железнодорожного моста, мимо цехов восстанавливаемого кирпичного завода. Шофёр сваливает ход, оббегая группы людей с носилками и тачками, — здесь ремонтируется шоссеиная дорога. Издали доносится мерное жужжание — при помощи вращающегося барабана крестьяне обмолачивают рис.

Навстречу нам поспадает ватага ребят-

шек, бегущих в школу. В небе делает прощальный круг пассажирский самолёт, поднявшийся с пхеньянского аэродрома. Обычный трудовой день Кореи начался.

...

Наш путь лежит на Кэсон и далее — Паньмыньчжонь, к тем местам, которые приковывают сейчас взоры всего корейского народа. Вдоль дороги изредка попадаются чудом уцелевшие строения пирамидальные тополя. Но они уже не одиноки: там и сам я ним примыкают ровные ряды недавно посаженных молодых деревьев. На обочинах чернеют изуродованные корпуса американских танков. Здесь проходил фронт...

Город Хванчжу. До войны он утопал в зелени: Хванчжу славился своими иблоневыми садами. За три года американские интервенты превратили город в огромный пырь — буквально стёрли его с лица земли. Не осталось даже фундаментов. А сей

ПИСЬМО
ИЗ КОРЕИ